

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Г. Кривцовой

Земное притяженье душ
всевышним сберегается.
взаимность кажется двойным
подарком, а пока —
твоей озябшею рукой
моя отодвигается,
и отчужденья холодок
почуяла рука.

Следишь за мной зрачками глаз
и что-то в них тревожное.
Всерьез морщинками легли
Нескладные года.
Тепло руки моей — оно
такое ненадежное:
едва согреет и опять
исчезнет без следа.

Мы временны, как все вокруг,
мы не причастны вечности.
Удачи яркая звезда
не светит нам с тобой.
А как хотелось счастья нам
и нежности, и верности.
И как хотелось нам любви —
пускай немолодой.

Судьба, как одичалый пес,
ворчит, костями хрумкая,
и что задумала судьба —
не вызнать, не понять.
Твоей руки печальней нет,
она такая хрупкая,
предощущение беды
таится в ней опять.

Нет, не безгрешны мы с тобой:
телесному — телесное,
а все же видится любовь,
Как тайна бытия.
И нас двоих соединит
не привыканье пресное,
а золотой виток судьбы,
где рядом ты и я.

СЛАВА

Две синеглазые девчушки,
в детгизовский вникая том,
задорно спорили о том,
кто лучше — Лермонтов иль Пушкин.

Лениво солнышко светило,
казалось призрачным оно,
казалось, тусклое светило
в небытие погружено.

Припомнились иные сроки:
небес ликующих эмаль
и то, как в пламенные строки
вливалась трепетная даль.

Свободных странствий чужа пафос,
вбирая молодости пыл,
упругий лермонтовский парус
на пушкинском просторе плыл.

Страну когда-то обижало
и унижало то порой,
что иноземщиной дышала
поэзия земли родной.

Шаблонам подражая ветхим,
читали девы под рояль
о славных рыцарях, о Гретхен,
о белокурой Лорелей...

Но чувство, стиснутое в схемах,
предощущая свой размах,
мужало в пушкинских поэмах
и лермонтовских стихах.

Поэзия — она подвластна
естественной природе сфер,
поэзия — она прекрасна
и без почтительных манер.

Весомей добытая слава,
коль Бог и Слово заодно,
и учит сызнова держава
«Полтаву» и «Бородино».

ПЕСНЯ

Эпоха молодого Бонапарта
легко сбивалась на фривольный лад,
в ней столько своевольного азарта,
затейливо-амурных эскапад.

В сиянии свечей и дивных перстней,
где правил адюльтерами салон,
языческой казалась «песня песней»,
которую придумал Соломон.

А ты не Суламифь, но так прекрасна!
И побежденный наготой твоей,
раздумывал я, может быть, напрасно
о ходиках, что тикают бесстрастно,
о хрупком царстве света и теней.

О том, что мирозданье растревожив,
не затихают в роще соловьи,
о той любви, что для меня дороже
стерильной, подмороженной любви...

Есть в Библии мотивы поизвестней,
но отдаю особенный поклон
земным словам, что воссияли «песней»,
которую придумал Соломон.

МЫ ХОРОШЕМУ УЧИЛИСЬ

Тамаре Семеновой

Мы в одной учились школе,
где начало всех начал,
полузрячим был я что ли —
я тебя не замечал.

Не узрел в тебе я дара,
ибо в «Брэма» пялил глаз...
Ах, какие мы, Тамара,
близорукие подчас...

Окрыленность обретала
ты на старой сцене той,
где Островского играла,
где Уильямса играла,
где совсем недаром стала
театральной звездой.
Научилась быть отважной,
быть к товарищам добрей
И тебе совсем не важно,
кто там русский, кто еврей.

Научилась разбираться,
где не светлый храм, а хлам,
научилась не сдаваться
ложнопафосным словам.

Не державные палаты
осеняют нас, маня, —
гуманизма башни святы
для тебя и для меня.

Нет, не все надежды сбылись.
Ну а все же не забыть:
мы хорошему учились —
человечество любить!

ЧАРОВНИЦА

Агнешке Влодарчик

Не русалка ты и не ведьма,
на тебя невозможно злиться.
Артистической Польше ведомо:
амплуа твое — чаровница.

Осыпаются листья клена
возле тувелек стройной пани.
Для тебя скрипачи влюбленно
музицируют на поляне.

Дивный лад в сочиненье этом,
и оно, проплывая лесом,
открывается менуэтом,
завершается полонезом.

Не творю заклинанья «Чур меня».
Мне ль предчувствия сторониться.
Как Республику, очаруй меня,
сероглазая чаровница.

Героиню свою играя,
пьешь ли, нет, колдовской отвар...
Я пленен тобой, дорогая,
и без всяких волшебных чар.

НА ПРОЩАНИЕ

Л.З.

Подари мне на прощанье
белопенность облаков,
светлый день и обещанье
не бранить моих стихов.

Подари волну удачи,
вдохновения прилив,
а не дождичка на даче
усыпляющий мотив.

Подари не обниманье,
а хотя бы теплый взгляд
через даль непониманья,
раздраженья и утрат.

Все же я чего-то стою,
понапрасну не кори.
Ну а, впрочем, бог с тобою —
ничего мне не дари.